

постепенно выросла из бывших военных сподвижников султана. Прочность деспотической власти султана и покорность ей военного ополчения находились в прямой зависимости от того, насколько успешно осуществлялись военные походы, не только приносящие богатую военную добычу и пленных, которые превращались в рабов, но и способствовавшие расширению земельных владений военного сословия — сипахи, увеличению численности эксплуатируемого земледельческого населения. Завоевательная политика турецких султанов диктовалась этими захватническими интересами военной знати, которая нуждалась к тому же в средствах для укрепления своей власти над собственным народом. Таким задачам отвечала вся система военной организации Турецкого государства, охватывавшая довольно широкие слои собственно турецкого населения, эксплуатировавшегося ленными владельцами.

Чудовищное ограбление покоренных народов, в целях содержания этой военно-деспотической машины, обрекало страны, подпавшие под турецкое иго, на многовековой застой в их общественно-экономическом развитии. В связи с этим необходимо сказать несколько слов о так называемом «гуманном» характере турецких завоеваний, который столь воспевадается ныне кемалистскими историками.

Из этой же кемалистской официальной истории мы узнаем, что «турки осуществляли политику охраны народных земель. Христианские земледельцы на Балканах под управлением турок достигли более счастливой жизни, чем при базилевсах и королях. Турки, не бывшие ни в малейшей степени фанатиками и знавшие весьма совершенные формы управления, не затронули крестьянских земель, даже увеличили эти земли. Они не разрушили организацию сельской жизни христианских подданных и сохранили их общественные и религиозные учреждения»<sup>1</sup>. Так пишут новейшие буржуазные историки.

Однако совершенно иначе выглядит картина турецких завоеваний в изображении источников.

Византийские, армянские и другие историки в своих повествованиях рисуют нам страшную картину бедствий, которые несло с собой вторжение тюркских завоевателей в пределы Малой Азии. Основываясь именно на показаниях этих источников, Ф. И. Успенский писал: «Как прежде сарацинские наезды из-за Тавра, так и в настоящее время туркменские (т. е. огузские. — А. Т.) походы, простиравшиеся до Каппадокии, Понта и Фригии, наносили непоправимый ущерб трудолюбивому земледельческому населению этих областей, стесняли культурное население и обращали в пастбища занимаемые ими земли»<sup>2</sup>.

Даже на основе тех турецких исторических источников, авторы которых крайне идеализируют действия правителей Турции, захват турецкими завоевателями городов и областей, заселенных не-турецким населением, рисуется далеко не в столь идиллических красках, как это пытаются представить кемалистские фальсификаторы истории. Так, например, подавляющее большинство городов и крепостей в западной части Малой Азии (Инегёль, Караджахисар, Биледжик, Акхисар, Эвренос и др.) были еще при Османе разграблены и разрушены (غارث و تاريب)<sup>3</sup>, население их было либо истреблено поголовно, как, в частности, в Караджахисаре<sup>4</sup>, либо взято в плен, либо спасалось, бежав в горы, как это было в крепости

<sup>1</sup> Tarih, с. III, с. 36.

<sup>2</sup> Ф. И. Успенский. Движение народов из Центральной Азии в Европу. ВВ, т. I, М., 1947, стр. 18.

<sup>3</sup> Мюнеджжим-баша, т. III, стр. 274—285.

<sup>4</sup> Там же, стр. 274.